

*«Если ручки ты боишься замарать,
не ходи за ягодкой к болоту...
Проще ягодки на рынке покупать,
чем, матюгаясь, баламутить воду...»*
Венедикт Немов

«Было бы болото, а черти будут»
Русская пословица

«Как жук! Как жук!» – перездразнивая бабку, Санёк раздвигал заросли осоки, чтобы разглядеть куст лесной смородины. Слышала бы бабка! Терпкий запах ягод ударил в нос. Тяжёлые гроздья свисали, ягоды действительно крупные, «как жук», чернели и сверкали, «лакированные» каплями дождя, утренним туманом... Санёк присел. Вот муравей потащил куда-то срезанный лист, превосходящий его размерами, бабочка-крапивница на мгновение пристроилась на лист смородины. Возле уха «зазвенел» комар. Эти несносные твари водились на болоте в несметном количестве, приходилось постоянно отмахиваться. Вспомнилась бабкина корова Рыжуха, которая хвостом ловко, как кнутом, сбрасывала слепней, комаров и другую живность, охочую до её крови. «Походы» на дюртюлёвские болота с бабкой были летом часты. Позднее он вспоминал их с особым удо-

вольствием, осознавая всю невозвратность этих столь удивительных минут, часов, проведённых с бабой Глашей. В белом платочке «в горошек», в длинной тёмно-синей юбке, резиновых калошах, с «рябинами» – следами оспы на лице (ещё до войны перенесла натуральную оспу), бойкая, востроглазая – она запомнилась такой и осела в его памяти...

...Прятаться в чулане было большим удовольствием. Летом прохладно, тихо. Дощатые стены обклеены газетами, царскими бумажными деньгами и гособлигациями разного номинала. Их было интересно разглядывать и читать. Кроме всевозможных банок, склянок, бидонов, старых вещей, привлекал внимание большой кованный сундук. Раз в полгода бабка закрывалась в чулане, открывала его и долго перебирала содержимое. Что хранил таинственный сундук, никто не знал, кроме самой бабки. На сундук

вешался замок, ключ от которого прятался от всех домочадцев. Как-то Саня подглядел, что бабка хранит ключ за иконой, которая находилась в одном из углов передней. Здесь же всегда висела лампадка, в которую периодически заливалось масло. По церковным праздникам она зажигалась, и бабка долго молилась. О чём? Известно было только ей.

...Только что приняли в пионеры, а бабка тут как тут. Мечет гром и молнии. Мать коммунистка, в бога не верит, «нехристь!» Грех-то какой! Вот и заболела. Лежит бог знает где, где-то в Казахстане, в Алма-Ате, ждёт операции. Вечером собираются бабки чуть не со всей деревни. Санька раздевают, ходят кругом, читают молитвы нараспев. Затем окунают в откуда-то взявшуюся бочку. На шею вешается медный крестик на тесёмке.

— Ну, слава богу! Наконец окрестили, пусть ругается...

На шее крестик, поверх красный галстук. Саня несётся в школу. Стыдно. Никому не скажешь и не покажешь. Засмеют. А бабка говорит, что в этом спасение. Ослушаться бабку он не смеет. Пусть крещение останется тайной.

...Постоянно преследует один и тот же сон. Речка. Он на берегу. Посреди речки лодка. В лодке седовласый старик пытается управлять вёслами. Дюжина пьяных мужиков рвёт на нём рубаху, отнимает вёсла, бьёт, пытается топить. Санька душат слёзы. Этот старик, кто он? Откуда? Пришелец из сна. Почему вызывает слёзы? Сон как бы напоминает о чём-то трагичном и важном из его прошлого...

...Дед Василий прошёл и гражданскую войну, и Отечественную,

дошёл до Берлина. С войны привёз девять серебряных ложек, трофеев, значит, по количеству детей, нажитых с бабкой. Бабка всю оставшуюся жизнь будет посмеиваться над ним: «Надо ли было две войны в окопах вшей кормить, чтобы заслужить несколько серебряных ложек?!» Дед молчал, хмурился и терпел. Уходил во двор, где в сотый раз перетаскивал доски для клетки¹. С войны он приехал рядовым, без единой награды, и что было на войне, за все годы не сказал и слова. Для всех это так и осталось тайной.

...С электричеством в деревне постоянные заморочки, поэтому сельские держат свечи. Иногда из-за нехватки свечей используют лучину. Бабка, укладывая спать, молится на икону в «красном» углу. Затем усаживается рядом и начинает напевать перегудки², рассказывать сказки, былички³... Позднее он не найдёт этих удивительных историй, от которых у него не закрывался рот, ни в одной книжке. Откуда бабка всё это брала!..

...На берегу речки баня. Маленькая, бревенчатая, брёвна потемнели от времени. Низкий потолок, почерневший от копоти. Пол холодный, Саня, перед тем как влезть на полку, неумело выливает ковш воды на камни. Всё погружается в пар, становится жарко, правда, ненадолго. В оцинкованный, «однорукий» тазик наливается вода. Мочалка и хозяйственное мыло. Баня в «процессе мытья». Окончательно продрогнув, он несётся после помывки в бабкин дом. Рваные шаровары деда, которые сунула ему бабка, не по размеру, постоянно сваливаются. Он поправляет их и сквозь слёзы ругает бабку, — что она ему дала!

Тем не менее её он любит. Пирог с калиной, чай с травами – это только у бабы Глаши! А походы в лес, на болото – просто сказка!!!

...Звон ведра, барабанная дробь сброшенных ягод с гроздьев о днище «возвращают» его на болото. Это где-то рядом «трудится» супруга завуча школы. Пренеприятная особа, но деваться было некуда, он обещал завучу, что сводит его с женой «по ягоду», – по бабкиным местам, значит. Как-то возвращаясь с очередного похода с полным ведром калины, он столкнулся во дворе с завучем школы.

– И откуда такое богатство!?

Чуть не сорвалось: «Из лесу, вестимо». Но сдержался, выдал лишь: «Да вот. С бабой Глашей ходили»...

– И далеко?

– Да на дюртюлёвские болота. Баба Глаша все места знает, каждую тропку с закрытыми глазами может показать, – похвастался Санёк.

– Ты б сводил нас с супругой. Как-нибудь на выходных?

– Хорошо. Только обувьку найдите удобную, для болота.

Супруга его преподавала физику. Ученики звали её меж собой Руфиной. Вечно сердитая, недовольная, требовательная «не в меру», вызывала у школьников неприятие. Её муж, завуч школы, в отличие от неё был малоразговорчив, сдержан, в разговоре с учениками подчеркнуто вежлив. Его уважали все: и учащиеся, и учителя...

Увлёкшись сбором ягод, не заметили, как потянуло вечерней прохладой. Вёдра полные, пора и обратно в деревню. Солнце клонилось к горизонту, темнело быстро. Да не тут-то было. Ткнулись туда – вода, сунулись сюда – вода!..

Руфина вся побелела. Всё удовольствие от сбора ягод с лица сошло. Плутали долго. Вымотались. Потные, покусанные комарами, с мокрыми ногами, решили присесть, отдохнуть. Руфина разразилась «каскадом» 4 стенаний...

– Какая же я дура! Связаться с дитём!.. Теперь придётся торчать здесь... Пошла на поводу... Натуральная дура!..

– Это скорее всего хухлик балуется.

– Кто?!

– Водяной чёртик такой. Над людьми любит подшучивать. На болоте ещё Анчутка есть – маленький, но очень злой. Его имя вслух произносить опасно. Услышит, навредить может. Есть болотный, а есть полевой, тот добрый. А ещё в болоте кикимора живёт. Если шуметь и вредить растениям каким-либо, заставит долго плутать по болоту или ещё что...

– И откуда ты всё это знаешь?

– Баба Глаша рассказывала, да и было дело...

– Мусору в твоей голове много, – покачала головой супруга завуча, – глупостей наговорила тебе твоя бабка.

Санёк, не обращая внимания на её реплику, достал из сумки бублик, сдунув с него крошки, обтерев рукавом куртки, положил на траву, на самый краешек – возле воды...

Глядя на бублик, речитативом, как учила бабка, он почти пропел:

Хухлик, хухлик,
Возьми себе бублик.

Воду от нас отведи,
На дорожку нас приведи.

Повторив полушёпотом ещё несколько раз, он приподнялся с колен и уверенным голосом произнёс: «Ну вот, теперь можно и идти».

– Куда? Вода же кругом!..

– Туда, – уверенно махнул Санька, показывая в сторону густых зарослей осоки...

...Удивительно, но дорогу нашли быстро. Усталая, Руфина пыхтела, но весь оставшийся путь мол-

чала. Было ли ей стыдно за свою, мягко говоря, резкость?.. Супругу было, видимо, неудобно за неё. Он тоже молчал и только во дворе сказал: «Ну, давай, удачи... Спасибо Хухлику...»